

Рецензия на монографию
УДК: 340.113
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-249-255>

Юридическая ответственность без правонарушения и государственного принуждения — доктринальный и практический нонсенс (Directly about the empty — Напрямую о пустом). Рецензия на монографию В. М. Баранова «“Позитивная юридическая ответственность”»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника» (Москва: Блок-Принт, 2022. 176 с.)

Поляков Сергей Борисович

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, psb59@rambler.ru

Для цитирования: Поляков С. Б. Юридическая ответственность без правонарушения и государственного принуждения — доктринальный и практический нонсенс (Directly about the empty — Напрямую о пустом). Рецензия на монографию В. М. Баранова «“Позитивная юридическая ответственность”»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника» (Москва: Блок-Принт, 2022. 176 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 249—255. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-249-255>.

Monograph review

Legal responsibility without offense and state coercion is doctrinal and practical nonsense (Directly about the empty — Directly about the empty). Review of the monograph by V. M. Baranov ““Positive legal responsibility”: controversial concept, imaginary practice, virtual technique” (Moscow: Blok-Print Publ., 2022. 176 p.)

Sergei B. Polyakov

Perm State University, Perm, Russian Federation, psb59@rambler.ru

For citation: Polyakov S. B. Legal responsibility without Infringement and state coercion is Doctrinal and Practical nonsense (Directly about the empty — Directly about the Empty). Review of V. M. Baranov’s monograph ““Positive legal responsibility”: controversial concept, imaginary practice, virtual technique” (Moscow: Blok-Print Publ., 2022. 176 p.). *Legal Science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 249—255. (In Russ). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-249-255>.

Мягкие, снисходительные критические замечания в 60-х годах не остановили «цветение» понятий «позитивная юридическая ответственность», «поощрительные санкции». И к настоящему времени они густо «замутили» представления о юридической ответственности, структуре нормы права. И вроде бы уже стыдно возражать против юридической тины. Получишь в ответ: не хотите ловить рыбку в мутной воде, значит, ненаучно мыслите, отстали от «новинок» в юриспруденции. Но вышла

книга авторитетного современного российского правоведа В. М. Баранова с красивым своей определенностью названием «“Позитивная юридическая ответственность”»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника». Название и научное имя автора вытряхивают из головы растерянность и заставляют отбросить робость перед модной юридической литературой и открыто отвергать ее в юридической практике. В предлагаемой рецензии на эту книгу хочу объяснить: почему не надо, выезжая на

© Поляков С. Б., 2022

дорогу юридических дел, употреблять позитивную юридическую ответственность и поощрительные санкции.

Вначале о том, что свою позицию в дискуссии буду вслед за В. М. Барановым выражать от своего имени, не прячась за «мы» — сложившийся шаблон научных публикаций. Как-то редактор одного серьезного юридического журнала заменила в моей статье на «мы» все мои «я». Непросто было убедить редакцию, что я, как следователь, а не «мы» вынес постановление, о котором шла речь в статье. Я, а не «мы», был назначен на должность начальника следственного отделения и т. п.

Невелика доблесть с «мы» пойти в научную атаку на модную позицию вслед за мэтром науки. Все, на что меня хватало раньше, это в отзывах на диссертации и научные работы отмечать, что остаются без оценки положения о позитивной юридической ответственности и о поощрительных санкциях, поскольку автор не разделяет мнение о их существовании и ценности. И это вместо того, чтобы прямо сказать о бесплодности многостраничных рассуждений. Для таких категорических утверждений нужен серьезный научный авторитет, который Хиршем не завоевать. Но поддержать принципиальную научную позицию, открыто выраженную В. М. Барановым от собственного имени, можно и нужно в любом ранге.

Чтобы далее не отвлекаться от главного, сразу надо сказать о ценности книги не только по теме, но и в целом для научной культуры. В своем научном труде В. М. Баранов значительное место отводит подробному изложению позиций своих соратников и библиографии по теме. Юристу-исследователю полезно прочитать о добросовестности цитирования и последовательности анализа критикуемых положений, о нюансах диалектического метода и социологических исследований при решении разных правовых вопросов.

В первой части книги, названной В. М. Барановым «Вместо предисловия. Псевдоюридическая терминология как негативный фактор функционирования правовой науки», автор в критике прежде всего термина «правовая жизнь» представил методологию анализа беспрерывно плодящихся в тиши кабинетов, закрытых от государственно-правовой действительности, околоправовых терминов. Показано, как приемами нарушений логических законов тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания рождаются новые термины известных понятий, затеваются

заумные словесные баталии по переименованию противоположным термином известного понятия.

В дополнение к написанному В. М. Барановым приведу пример, как юридическая ответственность переименовывается в юридическую безответственность, чтобы первый термин распространить на правомерное поведение [2]. При этом правонарушения и правомерное поведение как существовали, так и существуют. Хорошее поведение в результате таких «научных открытий» получает два термина. Беда от возникшей путаницы небольшая. У родителей входит в моду давать ребенку двойное имя. Так, не мешает быть лучшим гандболистом России Косоротову наличие у него двойного имени Сергей-Марк. Правда, в государстве двойственность понимания правомерного поведения=ответственности не беда, пока государство «не пристает» к гражданину, как было, например, за недостаточно искренний плач по усопшему лидеру КНДР. Для деятельности по реализации санкций за правонарушение, однако, возникают проблемы, как у модницы, вынужденной менять весь гардероб после покупки прекрасной сумочки. Для правоприменителей, если они прочитают «высокую» теорию, станет не понятно, как понимать слова «юридическая ответственность», содержащиеся в нормативных правовых актах и разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Зато открыто поле для «науки» по устранению неопределенности, рожденной исключительно «наукой», но не практикой. Такая «наука» подобна стекольщику, который для своей прибыли бьет по ночам окна горожан.

Из множества названных В. М. Барановым вредных последствий таких изысканий, метко названных им «имитацией научно-исследовательской деятельности» ([1, с.13] — здесь и далее ссылки на страницы обсуждаемой книги) особенно следует отметить то, что псевдоюридизация терминологии:

— без теоретической, практической, дидактической потребности увеличивает (а точнее, засоряет) терминологический аппарат правовой науки;

— создает трудности правореализационной практике, особенно правоприменению, поскольку в силу многозначности с неизбежностью влечет противоречивое усмотрение [1, с.14];

— является своеобразной питательной средой коллизий их толкования [1, с.15].

Общепризнанная ценность права в том, что она упорядочивает общественные отношения.

Правовая определенность существует тогда, когда в соответствии с недвусмысленными нормами права и правоприменительной практикой лицо достаточно четко может предвидеть, с какими последствиями связаны те или иные его действия [3]. Все, что размывает сложившийся понятийный аппарат известных явлений, не поиск сути вещей, а порождение вируса правовой неопределенности.

Кроме переименований понятий и растягиваний известных терминов на «чужие» понятия, В. М. Баранов особое внимание обращает на такую псевдонаучность, как присовокупление юридических слов, прежде всего, слова «правовой» к произвольно облюбованным предметам и явлениям. Думаю, что юридизация всего и вся — не только следствие сложности найти новую юридическую проблему взаперти научного кабинета, но и в правовом фетишизме. Мысль о том, чтобы облечь в право всю жизнь, так овладевает правоведами, что многие из них мнят себя знатоками всего и вся. В. М. Баранов «без радости и гордости прочитал сообщение: Юристами разработано множество определений искусственного интеллекта» [1, с. 35]. Но естественная природа от магнитных полей до вирусов живет не по юридическим законам (неуклюжие примеры их приведены В. М. Барановым). Да и претензии юристов на первенство в познаниях истины человеческих отношений не имеют серьезных оснований. Философы, литераторы не менее глубоко, наоборот, точнее и образнее, чем правоведа, проникают в сущность человеческих конфликтов, решение которых предназначено праву. Так, писатель, драматург, историк Э. С. Радзинский пишет: «Далекий голос Сенеки, оставшийся в его письмах, твердит нам банальную мысль: люди всего лишь переодевались. Менялись времена, но не менялись пороки. И с течением времени холмик человеческой нравственности оставался прежним, жалким; росла лишь вавилонская башня новых технологий» [4, с. 162].

«Адекватная юридизация деятельности предполагает четкое отражение *правового аспекта* в ее содержании» [1, с. 13]. То, чем не владеют естествоиспытатели, философы, писатели, а только юристы, называется юридическая техника правотворчества и правоприменения. Главное назначение ее — простота и практичность действующего права [5, с. 53], реагирующего на вечные человеческие пороки вокруг старых и новых предметов раздора, чему мешает «псевдоюридическая терминология».

Из предисловия следует практический индикатор «псевдонаучности» новорожденного юридического термина. Если он не может быть приспособлен для точного обозначения юридического факта в законодательстве в целях непротиворечивого правоприменения, то на него не нужно обращать внимания.

В основной части книги В. М. Баранов доказывает логическую неоправданность и юридическую несостоятельность псевдопонятия «поощрительная санкция» и языковой конструкции «позитивная юридическая ответственность» — образ отсутствующей правовой действительности (симулякр).

Логическую неоправданность этих понятий В. М. Баранов заметил в основании сторонников этих понятий непременно видеть во всем «парность диалектических категорий». Со своей стороны нужно обратить внимание на правильность определения пар сторонниками «поощрительных санкций» и «позитивной юридической ответственности». Для того, чтобы увидеть, к чему приводят ошибки в определении противоположностей (пар понятий), рекомендуется посмотреть эпизод из спектакля Ленкома «Шут Балакирев», запись которого можно найти в Интернете. В силу казуса на свадьбу шута, на которую был приглашен Петр I, не смогли представить действительную невесту. Во спасение положения вывели немолодую женщину. Подмена была очевидна. Возмущенный шепелявый монолог одного из шутов закончился сочным, но невоспроизводимым в научном издании словом, обозначающим несуразность и вызвавшим смех зала. Когда он стих, Петр I изрек: «В общем-то он прав».

Противоположностью юридической ответственности (за правонарушение) является отсутствие репрессии (за правомерное поведение). Сочинение нового понятия начинается с искажения сути понятия «юридическая ответственность». Позитивная юридическая ответственность как противоположность «негативной» (для правонарушителя) юридической ответственности рождается путем превращения сущностного признака понятия «юридическая ответственность» как реакции на правонарушение в видовой признак. Подобным образом против хищного тигра можно изобрести парное понятие вегетарианского тигра.

Если хочется расчленить на две части юридическую ответственность, имеет смысл объединить известные отраслевые виды юридической ответственности на публичную и частно-правовую. Не для непрямого поиска парности, а

в практических целях выбора наиболее оптимальных средств защиты частных и публичных интересов от правонарушений из-за различий в инициативе возбуждения дела, бремени доказывания правонарушения и т. д. Например, в уголовном судопроизводстве есть дела частного и публичного обвинения со своими материально- и процессуально-правовыми особенностями. Мною доказывалась неэффективность для законности в основном только публично-правовой ответственности государственных органов и должностных лиц по российскому праву [6, с. 220—411].

В. М. Баранов анализирует использование термина «санкция» в разных науках, особо подробно излагая литературу по психологии. Он показывает, что таким путем можно найти оправдание понятия «поощрительная санкция», но обращает внимание на то, что нужно говорить о санкции как о «юридической конструкции, связанной со многими фундаментальными проблемами общей теории государства и права» [1, с. 48].

Как специальный юридический термин «санкция» — нормативное определение мер государственного принуждения, применяемых в случае правонарушения и содержащих его итоговую правовую оценку [7, с. 7, 50, 101—102]. «В определении юридических обязанностей санкции играют подсобную (содержание обязанности определяется не санкцией), но необходимую роль (без обеспечения санкцией обязанность перестает быть правовой)... В механизме правового регулирования санкция столь же соотносительна понятию юридической обязанности, как правонарушению — понятие юридической ответственности» [7, с. 24]. В другом значении — поощрительном — санкция будет вирусом, разрушающим сложившийся механизм правового регулирования. Однако юридическая практика имеет стойкий иммунитет к попыткам внедрить этот вирус, выращиваемый в теоретических колбах, но не прорастающий в правовые акты. Не могу припомнить за семилетнюю следственную практику, тридцатилетнюю практику судебных споров в качестве руководителя юридических служб УВД, предприятия, адвоката встречи в юридических делах с поощрительными санкциями, упоминаемыми в судебных актах или в аргументации участников дел, как и при изучении судебной практики в целом.

Я еще раз проверил на наличие в них юридического значения факты «позитивной юридической ответственности» и «поощрительных санкций», приведенные в диссертациях, которые

были мною поддержаны за достойные научные результаты в части, не относящейся к указанным симулякрам. От критики таких примеров в отзывах на диссертации я в свое время, как уже отмечалось, просто уклонился. Успешно защищенные диссертации были изданы книгами.

П. В. Васильев в монографии «Автоматические санкции в российском праве (теория, практика, техника)» для утверждения об обоснованности изучения правовых санкций как в качестве негативных, так и позитивных правовых последствий вначале приводит «простой пример позитивной санкции», найденный Д. А. Липинским и А. А. Мусаткиной в статье 11 Закона Российской Ф от 15 апреля 1993 года № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», в которой предусматривалось награждение знаками отличия лиц, внесших большой вклад в дело возвращения в Российскую Федерацию культурных ценностей [8, с. 33—34]. Почему такой вклад с рядом других условий не фактический состав, порождающий право граждан на награду? Решения требует вопрос о корреспондирующей обязанности или праве государства на награждение, но не обременение адресованного государству предписания термином «санкция». Несколько страницами ранее П. В. Васильев соглашается с хрестоматийным понятием субъективного права как предоставленной субъекту права юридическими нормами в целях удовлетворения его интересов меры возможного (дозволенного) поведения в правоотношении, обеспеченной корреспондирующей обязанностью другого субъекта правоотношения и гарантированной государством [8, с. 25]. Но он не разъясняет, почему в таком случае приведенное положение закона он считает «простым примером позитивной санкции», а не предписанием субъективного права на награждение.

Далее в монографии П. В. Васильева, а также в монографии А. В. Моисеева «Альтернативные и безальтернативные санкции как парные юридические категории» кроме государственных и ведомственных наград [9, с. 116—119, 122, 125] позитивными санкциями называются:

— повышенная оплата работы в сокращенный срок, предусмотренная договором подряда [8, с. 35];

— премия за добросовестное выполнение работы в короткий срок, иные меры поощрения работников и служащих, добросовестно выполняющих трудовые и служебные обязанности [8, с. 37, 84—85], [9, с. 34, 45, 119—120, 128—133];

— принятие результатов выпускных магистерских экзаменов в качестве вступительных экзаменов в адъюнктуру [8, с. 80—81];

— получение сотрудниками органов внутренних дел очередного специального звания [8, с. 82—84];

— освобождение школьников-победителей олимпиад от обязанности прохождения государственной итоговой аттестации [8, с. 86—89];

— освобождение работника-донора от работы в день сдачи крови [8, с. 89—92];

— предоставление дополнительных отпусков [8, с. 92—94];

— освобождение от обязанности вносить плату за уход за ребенком в дошкольном образовательном учреждении [8, с. 94—96];

— освобождение от уголовной ответственности или ее смягчение [9, с. 57—59, 121—122];

— упрощенное приобретение гражданства Российской Федерации [9, с. 122].

Все это — субъективные права, искусственно обремененные словосочетанием «поощрительная санкция».

Почему, например, премия — это не субъективное право, а именно позитивная санкция, из многостраничных рассуждений П. В. Васильева понять нельзя. Чем дальше в своих разъяснениях он заводит в метафизические и диалектические подходы и стадии МПР (механизма правового регулирования), тем непонятнее становится. Тем более что в своих рассуждениях он непоследователен в терминологии. Так, на странице 84 он пишет, что привлечение сотрудника органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности «клишает его права на получение очередного специального звания в период действия дисциплинарного взыскания». Из этого верного суждения следует, что отсутствие названного отрицательного юридического факта порождает право на получение очередного специального звания, и называть это субъективное право поощрительной санкцией нет никакой необходимости. На этой же странице П. В. Васильев пишет о позитивных санкциях «в форме возникновения права». Из этого следует, что субъективное право всего лишь форма санкций. Что в таком случае является содержанием санкций в их фетишизации?

Эта путаница приводит П. В. Васильева к завязыванию «узелка» в виде обнаружения основания считать необходимую оборону правовой санкцией [8, с. 41]. Но в итоге показанного процесса развязывания этого «узелка» он приходит к выводу, что необходимая оборона — это субъективное право [8, с. 42]. Возникает вопрос,

зачем было завязывать этот узелок, а затем — вопрос об основаниях различения субъективного права от санкции. Может быть в том, что автор не смог определить в санкции, усматриваемой в каждом правовом последствии, к какой — негативной или позитивной — санкции отнести необходимую оборону? Когда не можешь определить негативная или позитивная санкция, тогда это субъективное право. Когда можешь, то санкция. Сомнительное, мягко говоря, основание.

Между тем необходимая оборона — отрицательный для состава правонарушения (исключающий состав правонарушения) фактический состав оценочных юридических фактов. Зачем ломать устоявшиеся понятия о том, что право / обязанность / запрет на определенные действия порождаются фактическим составом? Зачем ломать устоявшиеся понятия о том, что санкция предусматривает право правоприменителя назначить наказание (штрафная санкция), принудить исполнить юридическую обязанность, восстановить нарушенное (восстановительная санкция) и обязанность правонарушителя исполнить то, что ему предписано правоприменительным актом? Зачем нарекать фактический состав, порождающий субъективное право в непосредственной форме реализации права, термином из правоприменения?

Для доказательства того, что освобождение работника-донора от работы в день сдачи крови является «именно позитивной санкцией», П. В. Васильев приводит пять суждений [8, с. 91], всего лишь описывающих юридические факты, порождающие право работника на освобождение от работы и встречную обязанность работодателя.

А. В. Моисеев пишет: «В качестве общего недостатка, свойственного всем разновидностям поощрительных санкций, действующих в сфере обеспечения трудовой и служебной дисциплины, следует указать на неопределенность оснований их применения» [9, с. 123]. Осознанно или нет, он назвал действительную проблему юридической практики, заключающуюся в определенности фактических составов и образующих их юридических фактов, порождающих право / обязанность / запрет. Борьба за переименование этих предписаний в санкцию только уводит от решения названной проблемы.

Чтобы представить премию поощрительной санкцией, П. В. Васильев изыскивает различия в фактических составах, порождающих право на заработную плату и право на премию [8, с. 44—48]. Из аргументации П. В. Васильева

усматривается, что основанием возведения просто субъективного права в поощрительную санкцию является художественное возвеличивание юридических фактов, порождающих субъективное право, до заслуг. Отбрось слова «поощрительная санкция» от слов «субъективное право», ничего не изменится. Во всяком случае приведенный анализ возник не из практических затруднений решения вопросов: что нужно для получения зарплаты, а что нужно для получения премии.

Исковые требования формулируются: прошу взыскать премию в размере... Суды выносят решения: «взыскать премию в размере...» или «отказать в удовлетворении требования взыскать премию» (например, определения Верховного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2011 года № 33-В10-11, от 6 октября 2014 года № 21-КГ14-9 / СПС «КонсультантПлюс»). Не встречался мне в практике документ, где бы истец просил применить к нему поощрительную санкцию в виде присуждения премии. Слова о поощрительной санкции в таких делах будут как короста у человека, расковырявшего в задумчивости свою кожу. Не ковырял бы, коросты не было. Отпадет короста, болячкой меньше и только.

Изобретения понятий ради понятий, в том числе «поощрительные санкции» и «позитивная юридическая ответственность», рождают уверенность таких изобретателей в том, что «сама жизнь и реальность существуют, чтобы их «диалектическая логика» проявлялась в научных исследованиях» [1, с. 70]. Этому противостоит обширный анализ В. М. Баранова законодательства, решений Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, отраслевой юридической литературы по решению практических вопросов юридической ответственности.

В цирке можно увидеть, как артист рисует, держа карандаш ногой. Вопрос в том, что нужно: качество рисунка или ошеломленность зрителя? Для правопорядка нужно правильное применение норм права, а не возведенные дебри на пути реализации норм. Поэтому правильными являются выводы В. М. Баранова о теоретической надуманности, практической ненужности, дидактической вредности понятия «поощрительная санкция» [1, с. 63], о том, что концепция «позитивной юридической ответственности» не выполняет какой-либо методологической роли для теории, практики, дидактики и техники юридической ответственности [1, с. 90]. А практикующим юристам опасно для

дела употреблять «поощрительные санкции» и «позитивную юридическую ответственность».

Список источников

1. Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. М.: Блок-Принт, 2022. 176 с.
2. Бондарев А. С. Юридическая ответственность и безответственность — стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 187 с.
3. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 года № 8-П; от 13 июля 2010 года № 15-П // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24, ст. 2892; 2010. № 29, ст. 3983.
4. Радзинский Э. С. Моя театральная жизнь. М.: Издательство АСТ, 2021. 320 с.
5. Юридическая техника: учебник / под ред. проф. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. 648 с.
6. Поляков С. Б. Юридическая ответственность государства. М.: Юридический мир. 2007, 432 с.
7. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: МГУ, 1981. 240 с.
8. Васильев П. В. Автоматические санкции в российском праве (теория, практика, техника). М.: Юрлитинформ, 2016. 184 с.
9. Моисеев А. В. Альтернативные и безальтернативные санкции как парные юридические категории. М.: РИОР, 2021. 147 с.

References

1. Baranov V. M. "Positive legal responsibility": controversial concept, imaginary practice, virtual technique: monograph. Moscow: Blok-Print Publ., 2022. 176 p. (In Russ.)
2. Bondarev A. S. Legal responsibility and irresponsibility are aspects of legal culture and anti-culture of subjects of law. St. Petersburg: Legal Center Press Publ., 2008. 187 p. (In Russ.)
3. Decrees of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 8-P of May 27, 2008; no. 15-P of July 13, 2010. *Collection of legislative acts of the RF*, 2008, no. 24, art. 2892; 2010, no. 29, art. 3983. (In Russ.)
4. Radzinsky E. S. My theatrical life. Moscow: AST Publishing House Publ., 2021. 320 p. (In Russ.)
5. Legal technique: textbook / ed. by prof. V. M. Baranov. Moscow: Prospect Publ., 2021. 648 p. (In Russ.)
6. Polyakov S. B. Legal responsibility of the state. Moscow: Legal world Publ., 2007. 432 p. (In Russ.)
7. Leist O. E. Sanctions and liability under Soviet law (theoretical problems). Moscow: MSU Publ., 1981. 240 p.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

8. Vasiliev P. V. Automatic sanctions in Russian law (theory, practice, technique). Moscow: Yurlitinform Publ., 2016. 184 p.

9. Moiseev A. V. Alternative and non-alternative sanctions as paired legal categories. Moscow: RIOR Publ., 2021. 147 p.

Информация об авторе

С. Б. Поляков — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

S. B. Polyakov — Doctor of Law, Professor.

Рецензия поступила в редакцию 12.04.2022, принята к публикации 09.06.2022.

Review was submitted 12.04.2022; accepted for publication 09.06.2022.